



Владимир Войнович

Трибунал
(сборник)

ФТМ



Владимир Войнович

Трибунал

«ФТМ»

Войнович В. Н.

Трибунал / В. Н. Войнович — «ФТМ»,

ISBN 978-5-699-70519-1

Новая книга Владимира Войновича – настоящее не только литературное, но и культурное событие современности. В этой книге картина нашей сегодняшней действительности дана с яркостью и полнотой великолепного таланта, ровесника эпохи, пожалуй, одного из самых известных классиков русской прозы. Время действия в новой книге – от далекого 1982 года до сегодняшнего дня, место действия – современная Россия, в которой действительность фантастичнее любого вымысла, а из людей действительно можно делать гвозди, как писал другой известный классик. Только построить на этих гвоздях вряд ли что-то получится...

ISBN 978-5-699-70519-1

© Войнович В. Н.

© ФТМ

Содержание

Трибунал	6
Действующие лица	6
Действие первое	7
Что-то вроде пролога	7
Сцена первая	8
Сцена вторая	11
Сцена третья	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Войнович Трибунал (сборник)

© Войнович В., текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Трибунал

Судебная комедия в двух действиях

Действующие лица

Подоплеков Леонид.
Подоплекова Лариса.
Подоплекова Света.
Председатель трибунала Мешалкин.
Прокурор Гвоздилов.
Защитник Тюбиков.
Секретарь Персикин.
Мешалкина Людмила.
Мешалкин Жорик.
Бард.
Горелкин.
Юрченко.
Терехин.
Зеленая.
Депутат.
Священник.
Зритель.
Санитары и другие.

Действие первое

Что-то вроде пролога

Посреди сцены – длинный высокий стол, покрытый зеленым сукном. За ним кресло с высокой спинкой. Еще три маленьких столика со стульями: один – перед большим столом, на авансцене, два – по бокам. В глубине сцены – статуя Фемиды. Левый глаз закрыт повязкой, правый открыт, в одной руке полицейская дубинка, в другой – весы. У весов одна чаша висит на оборвавшейся цепочке, а другой чаши вообще нет. Слева от Фемиды – клетка, а в клетке скамья подсудимых. В верхней части сцены портреты людей, нам пока не знакомых. Рабочие сцены суетятся, поправляя практически уже расставленную мебель и не обращая внимания на Священника, который ходит следом за ними с ведерком и кропилом. Окунает кропило в ведерко, окропляет все предметы, бормочет подходящие слова почти неслышно.

Священник. Создателю и Содетелю человеческого рода, Дателю благодати духовная, Подателю вечного спасения, Сам, Господи, пошли духа Твоего Святаго с вышним благословением на обитель сию, яко да вооружена силою небеснаго заступления хотящим ея употреблять, помощна будет к телесному спасению и заступлению и помощи, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

*На сцену выходит **Бард** с гитарой. Протягивает купюру Священнику, тот молча берет и уходит.*

Бард (говорит тихим, домашним, совершенно не театральным голосом, в промежутке между фразами настраивая гитару). Кажется, они еще не готовы. Я имею в виду исполнителей. У них даже еще, по-моему, и окончательный текст недоработан. Это вот – современное искусство. Все делается наспех, небрежно. Сцену освятили, зрители собрались, а они там все еще текст дописывают, сюжет подправляют, не понимая того, что он все равно приведет их к тому же финалу. Ну, ладно. Я вам пока что-нибудь спою. (Поет.)

Течет река издалека,
Все ширясь и полнея.
Течет река, и облака
Качаются над нею...
И отраженный небосвод
Поблескивает тускло.
Вот так и жизнь мою несет
Извилистое русло.

Во время пения где-то, сначала далеко, а потом все ближе, ближе слышатся прерывистые и тревожные звуки сирены то ли «Скорой помощи», то ли пожарной машины, то ли полиции. По мере того как звуки усиливаются, Бард поет все громче и громче, стараясь их перекрыть.

Юг, Север, Запад и Восток,
Меняются, плутуя...
Из ничего я проистек
И ни во что впаду я.
Ну, а пока течет река,
Пока водичка льется,

Пускай и жизнь течет, пока
Совсем не истечется.

Бард (*прекращает петь*). Нет, это невозможно. (*Помолчав.*) Не понимаю, зачем это нужно. (*Имитирует вой сирены.*) У-у-у-у! Прежние так же уукали. А эти, вы помните, когда еще только на подходе были, когда еще боролись за власть, обещали, что при них никаких ууканий больше не будет. Вы посмотрите на нас, говорили они нам, мы простые люди, по существу, такие же, как и вы, мы из народа, мы носим дешевые ботинки, потертые джинсы, мы ездим в автобусах и метро. А теперь, видите, опять то же самое. Нет, я не критикан и не борец. Я, если хотите знать, вообще против всякой борьбы. Потому что все равно бесполезно. Будем бороться, получать дубинками по башке, отсиживать свои сутки в участке, пока не добьемся того, что заменим этих другими, которых вместе с нами били дубинками. Но они сядут в свои лимузины и опять засвистят мимо нас: у-у-у-у-у! А мы пойдем пешком и снова будем биты теми же дубинками.

Сцена первая

Между тем звук сирены, точнее многих сирен, катастрофически нарастает. Свет в зале и на сцене гаснет. Звук сирен смешивается с шумением колес, с шумом несущихся с огромной скоростью автомобилей. По сцене слева направо проносятся синие-красные мигалки, в результате чего возникает ощущение, что кортеж автомобилей пересекает сцену. Внезапно мигалки гаснут, исчезают все звуки. Несколько мгновений в зале и на сцене полная темнота и тишина. Затем вспыхивает свет, и одновременно на сцене, во всех проходах и у дверей появляются автоматчики.

*На сцену в темном строгом костюме выходит **Секретарь**. Деловой походкой подходит он к краю сцены и пристально всматривается в публику, пытаясь определить, нет ли среди зрителей возможных злоумышленников. Не разрешив до конца своих сомнений, тихо уходит за кулисы. В репродукторах раздается шум бурных оваций, и на сцену гуськом выходят: **Председатель, Прокурор, Защитник и Секретарь**. Это их портреты висят над сценой. Как бы отвечая на аплодисменты восторженной публики, они на ходу тоже хлопают в ладоши. Занимают места: Председатель – в центре, Прокурор – за маленьким столом слева, Защитник – справа и Секретарь – посередине. Молча раскладывают бумаги, иногда перешептываясь. Публика ждет. Наконец женщина в первом ряду не выдерживает и обращается к сидящему рядом с ней мужчине (это **чета Подоплековых**).*

Лариса. Леня, я не понимаю, что здесь происходит! Почему здесь так много вооруженных людей?

Подоплеков. Успокойся, Лара. Что ты нервничаешь? Это же спектакль.

Лариса. Я понимаю, что спектакль, но почему так много вооруженных людей?

Подоплеков. Я не знаю почему. Наверное, так нужно. Ты разве никогда не видела на сцене вооруженных людей?

Лариса. Я видела. Но если это настоящий спектакль, то исполнители должны что-нибудь говорить, а эти вышли и молчат.

Подоплеков. Ну и что, что молчат? Возможно, у них такие вот молчаливые роли. Мне кажется, они изображают какое-то важное заседание. (*Обращаясь к Председателю.*) Господин артист, вы не скажете, какую вы роль исполняете?

На сцене происходит некоторое замешательство. Председатель переглядывается с Прокурором и Защитником, те пожимают плечами. К Председателю подбегает Секретарь и что-то шепчет ему в ухо.

Председатель. А-а, роль. (*Подоплекову, важно.*) Я исполняю роль председателя трибунала.

Подоплеков (*Ларисе*). Ну вот видишь, я тебе говорил, что это спектакль. А товарищ играет роль как бы председателя трибунала. (*Председателю.*) И что? И вы, очевидно, собираетесь как бы кого-то судить?

Председатель. Что значит «как бы»? Придумали эту дурацкую вставку «как бы» и суют куда ни попадя. Сегодня как бы хорошая погода, а вчера как бы шел дождь, а это как бы трибунал и как бы кого-то как бы будут как бы судить. Да не «как бы», а просто трибунал и просто будем судить. Без всяких «как бы».

Подоплеков. Извините, слова-паразиты. Не могу избавиться. Как бы значит, так сказать, в плане того что. Сейчас это все как бы так говорят, как бы, как бы. (*Ларисе.*) Вот видишь. Я же тебе говорил. Интересная как бы завязка. Раз есть, так сказать, трибунал, значит, он должен как бы кого-то судить. (*Председателю.*) Это примерно как у Чехова, правильно? Если на сцене висит ружье, значит, оно непременно когда-нибудь выстрелит. (*Смеется.*)

Прокурор. Еще как выстрелит! Так выстрелит, что о-го-го!

Защитник (*печально*). Выстрелит, выстрелит.

Председатель (*знаком остановив Защитника, Подоплекову*). А что вот вы про Чехова говорили? Он так и сказал, что если висит ружье, так оно обязательно выстрелит?

Подоплеков. Ну да, так и написал, что если, говорит, в первом акте висит, то во втором или третьем обязательно, говорит, бабахнет.

Прокурор. И вы с ним согласны?

Подоплеков. А как же я могу не согласиться, если такой авторитет, как Чехов, пишет. Это ж не то что теперешние, у которых в книгах только убийства, секс и мат. Иной раз такое наворотят, что я, взрослый человек, краснею, когда читаю. И вот не понимаю даже, куда государство наше смотрит. Согласен, цензуры нет и не надо, но ведь должны же быть какие-то ограничения. А если все позволено, мат, секс и так далее, значит, можно как бы и воровать, и насильничать, и убивать.

Лариса. Леня, зачем ты так? Ты даже не знаешь этих людей, а такие слова говоришь.

Подоплеков. А что я говорю? Я ничего такого не говорю. Я говорю только, что если можно петь под фанеру, торговать своим телом, писать в книгах всякие слова, показывать по телевизору секс, значит, можно воровать, насильничать, грабить и убивать.

Председатель. Вы считаете, можно?

Подоплеков. Что можно?

Председатель. Вы сказали: «Можно воровать, насильничать, грабить и убивать».

Подоплеков. Вы, господин артист, как-то выворачиваете и как бы даже вырываете мои слова из контекста.

Прокурор. О, какой эрудит! Знает даже слово «контекст».

Подоплеков. Ну конечно знаю. Я все-таки, слава богу, человек интеллигентный, образованный и любознательный.

Председатель. И верующий.

Подоплеков. Я?

Председатель. Вы сказали: «Слава богу». Неверующий так не сказал бы.

Подоплеков. Ну да. Сейчас мы все как бы верующие. А как же. Раньше были атеисты, кресты с колоколен сбивали, иконы топором рубили, в церкви свиней загоняли. А теперь все такие набожные, православные – просто жуть. Кресты носим, со свечками под образами стоим. А я вообще-то, честно сказать, не очень. Но когда о том о сем думаю, как оно все так получилось, то в голову невольно что-то закрадывается. Трудно, знаете, как-то представить, чтобы все это... ну, я имею в виду люди, коровы, собаки, ну и всякие другие звери, лягушки и насекомые

сами по себе так вот, ну как бы из пыли возникли. Я думаю, там, может быть, какой-то такой вроде как высший разум как бы все-таки есть.

Председатель. Думаете, все-таки что-то такое имеется?

Подоплеков. Да, иногда думаю, что что-то все-таки такое есть.

Прокурор. А иногда думаете, что ничего нет?

Подоплеков. Ну да, иной раз такое тоже приходит в голову. Вот не далее как вчера пошел в супермаркет, пятисотенную бумажку взял, ну набрал в тележку триста грамм колбасы, двести сыра, пачку масла, гречку расфасованную, полез в карман расплачиваться, а моей пятисотки нет. Проверил правый карман, левый, в брюках, в пиджаке – нигде нет, Ну, думаю, значит, сперли или потерял. И так обидно мне стало. Ну, думаю, Бога нет. А тут какая-то тетенька говорит: мужчина, это не вы потеряли денежку? И подает мне мою пятисотенную. Нет, думаю, все-таки есть он. Но вы извините, я вас, вероятно, задерживаю. А вы кого, собственно, судить собираетесь?

Председатель. Что? Кого судить? Нам все равно кого. Ну, допустим, вас.

Секретарь. Да, допустим, вас.

Подоплеков. Меня? *(Смеется.)* А почему меня?

Председатель. А почему не вас?

Секретарь. Вот именно. А почему?

Подоплеков. Потому что меня вроде не за что. Я такой это, так сказать, самый простой человек. Инженер. Хожу на работу, смотрю по телевизору КВН, «Минуту славы», «Ледниковый период», а ничего такого как бы не совершал. *(Садится на место.)*

Председатель. Всякий человек, который живет, что-нибудь совершает.

Секретарь. А который не живет, тот ничего не совершает.

Председатель. Ну что же вы сели? Поднимайтесь сюда.

Секретарь. И не стесняйтесь.

Подоплеков *(встает, смущается).* Я? Да ну что вы! *(Смеется.)* Я перед публикой выступать не умею. Все-таки, как бы сказать, не артист.

Председатель. Ну почему же не артист? Знаете, Шекспир сказал: «Весь мир – театр, а люди – в нем актеры». Поднимайтесь и посмотрим, актер вы или не актер.

Подоплеков *(смущаясь еще больше).* Да что вы! Да какой уж из меня актер! Если вам нужен из зрителей какой-нибудь такой ассистент, вы уж, как бы сказать, пригласите кого-то другого. Потому что я перед публикой просто теряюсь. Ну вы начинайте, начинайте. *(Садится.)*

Председатель *(смеется).* Чудак-человек! Да как же мы можем без вас начинать? Мы же трибунал. Нам нужен подсудимый.

Секретарь. А трибунал без подсудимого – это все равно что свадьба без жениха. *(Смеется.)*

Председатель. Поднимайтесь, поднимайтесь!

Подоплеков *(вскакивает).* Ну, мне это, в конце концов, надоело. Я думал, вы шутите. А вы из меня хотите какого-то, понимаете, клоуна сделать. А я вам вовсе не клоун. Вы выступаете, вот и выступайте, а я буду смотреть. А если что, и вообще уйду и потребую у администратора, пусть мне даже деньги за билет вернут. *(Ларисе.)* Пойдем, Лара! Я даже и вовсе этот спектакль смотреть не хочу, довольно, я бы сказал, дурацкий.

Прокурор. Вы слышали? Он сказал – спектакль дурацкий.

Председатель *(Прокурору).* Что? Что?

Прокурор *(волнуясь, встает).* Ваша честь, я вот смотрю на то, что происходит, и думаю – ну как же вы позволяете этому человеку так нагло себя вести.

Председатель. Ну а как же. Если даже человек совершил преступление, мы должны вникнуть во все подробности, понять, что его толкнуло на этот поступок, учесть смягчающие вину обстоятельства. Мы же в целом гуманные люди.

Прокурор. Ваша честь, гуманизм, как всем известно, является важнейшей чертой нашего общества, но при этом никто не должен воспринимать наш гуманизм как слабость. Вы просите его по-хорошему, а он издевается, нам мешает, публику задерживает. А публика ждет.

Подоплеков. Вот именно, что публика ждет. Публика ждет от вас нормальных, увлекательных спектаклей с глубоким содержанием, а вы какой-то чушью занимаетесь. Театр, понимаете ли, абсурда. Глупость такую придумали – зрителей на сцену таскать. Да я такую мерзость и смотреть не желаю.

Лариса. Я же тебе говорила, не надо ходить на всякую современную чепуху. Лучше бы Чехова посмотрели или Островского.

Подоплеков. Ну откуда же я знал, что чепуха. Я думал, раз такое название, «Трибунал», значит, детектив какой-нибудь про бандитов, ментов или чекистов. Пойдем отсюда, ну их!

Председатель. Я вам последний раз говорю: поднимитесь сюда, или я прикажу вас доставить силой.

Подоплеков (*пробираясь к выходу*). Как же, прикажешь. Приказатель нашелся.

Председатель (*полицейским*). Доставьте его сюда!

Трель полицейских свистков. Полицейские Горелкин и Юрченко в бронезилетах, в касках с прозрачными забралами спрыгивают со сцены, перегораживают Подоплекову дорогу. Завязывается борьба.

Подоплеков (*сопротивляясь*). Только без рук! Я буду жаловаться! Помогите! Люди, куда же вы смотрите? Что же вы молчите? Разве вы не видите, что здесь происходит? О господи, народ безмолвствует. Лара, хоть ты меня слышишь?

Лариса. Слышу, Леня!

Сопротивляясь, Подоплеков слегка ударяет ладонью по забралу Горелкина.

Прокурор. Ваша честь, прошу заметить, он ударил полицейского. Кажется, он его убил!

Председатель. Убил или кажется?

Прокурор. Кажется, убил.

Председатель. Чтобы не казалось, надо сделать вскрытие и убедиться.

Прокурор. Совершенно, ваша честь, с вами согласен.

Защитник. Я протестую. Мой подзащитный никого не убил. Полицейский жив, он еще сопротивляется.

Председатель (*глубокомысленно*). Если сопротивляется, значит, очевидно, все еще жив.

Прокурор. Но если сделать вскрытие, он жив не будет.

Председатель. Тоже верно. В таком случае пусть посопровивляется, а потом уже сделаем вскрытие.

Прокурор. Но пока он вот. Всегда готовый к подвигу простой русский человек сержант Горелкин.

Сцена вторая

Горелкин и Юрченко доставляют Подоплекова с заведенными за спину руками на сцену и тут же начинают обыскивать. Стаскивают пиджак, раздирают подкладку. Выворачивают карманы брюк, вытаскивают ремень, спарывают пуговицы. Снимают ботинки, вытаскивают из них шнурки.

Горелкин (*составляя протокол, перечисляет изъятые при обыске предметы*). Паспорт общегражданский, выданный на имя Подоплекова Леонида Семеновича, – один. Паспорт

заграничный с визой турецкой, с визой болгарской – один. Театральные билеты – два. Водительские права одни. Сигареты «Мальборо», зажигалка, расческа, нож перочинный – один.

Прокурор. Зачем так длинно писать: «нож перочинный»? Напишите просто «нож».

Горелкин. Просто нож, один.

Председатель. А что это у вас, Горелкин, под глазом?

Горелкин. Разрешите доложить, ваша честь, это синяк...

Прокурор. Это гематома. Тяжкое телесное повреждение.

Горелкин. И еще он мне сломал ноготь на пальце. Вот. *(Показывает палец.)*

Секретарь. Какой ужас!

Прокурор. Гематома и ноготь – это множественные повреждения. Я полагаю, ваша честь, что Горелкина надо немедленно отправить в медицинское учреждение.

Председатель. Я об этом же и говорю. Приобщите протокол обыска к делу, водворите задержанного на скамью подсудимых и доставьте Горелкина в медицинское учреждение. Пусть наши специалисты его вскрыют и выяснят, насколько опасны для здоровья полученные им увечья.

Защитник. Ваша честь, я возражаю, Горелкин жив.

Председатель. Ну и хорошо. Я буду только рад, если вскрытие подтвердит вашу гипотезу.

Полицейские отводят Подоплекова в клетку, после чего Горелкин, прикрывая рукой подбитый глаз, удаляется, а Юрченко с автоматом наизготовку занимает место у клетки. Подоплеков садится на скамью подсудимых, успокаивается и деловито оглядывает свою поврежденную при обыске одежду.

Председатель. Ну что, подсудимый, вы готовы?

Подоплеков не отвечает.

Председатель. Подсудимый, я к вам обращаюсь.

Подоплеков. Ко мне?

Председатель. Ну а к кому же?

Подоплеков. А я не признаю себя подсудимым.

Председатель. А это не важно, кем вы себя признаете. Важно, кем мы вас признаем.

Секретарь. Вот именно. Мало ли кто кем себя признает! Важно, кто вы на самом деле. И вообще, когда к вам обращаются, надо вставать.

Подоплеков *(поднимаясь)*. Ну хорошо, могу и постоять.

Председатель. Назовите ваше имя, отчество, фамилию.

Подоплеков. Ну, допустим, Подоплеков Леонид Леонидович.

Председатель. Кем работали до ареста?

Подоплеков. До незаконного задержания работал инженером в фирме по ремонту холодильных установок.

Председатель. Семейное положение?

Подоплеков. Женат. Имею двоих детей.

Председатель. К судебной ответственности прежде привлекались?

Подоплеков. Не привлекался.

Сцена третья

Председатель *(встает и вместе с ним встают все участники спектакля)*. Зачитывается обвинительное заключение по делу Подоплекова Леонида Леонидовича, женатого, имеющего двоих детей, ранее не судимого. Подоплеков обвиняется в том, что сего дня *(указывается действительная дата, когда играется спектакль)*, явившись в помещение, где происходило заседание специального трибунала, вел себя вызывающе, высказывал суждения

экстремистского характера, публично пропагандировал воровство, насилие и убийства, проносил угрозы террористического характера, ссылаясь на некоего авторитета – Чехова, упоминал о каком-то ружье, которое якобы непременно должно выстрелить. Будучи вызван для допроса, отказался прибыть к месту отправления правосудия, не подчинился требованию Председателя трибунала, называя данное заседание чушью, абсурдом, дурацким спектаклем, мерзостью...

Подоплеков. Да это какой-то бред!

Председатель. ...бредом...

Подоплеков. Идиотизм!

Председатель. ...идиотизмом. При задержании оказал сопротивление представителям власти, в результате чего сержант Горелкин получил увечья, не совместимые с жизнью, и доставлен в медицинское учреждение для патолого-анатомической экспертизы. Все эти деяния предусмотрены Уголовным кодексом и содержат в себе признаки таких преступлений, как оскорбление и неподчинение власти с попыткой совершения террористического акта и убийства представителя власти.

Защитник. Ваша честь, если вы имеете в виду полицейского Горелкина, то он все-таки еще жив.

Председатель. Жив? А что же делали с ним врачи?

Прокурор. Они до сих пор борются за его жизнь.

Председатель. Ну хорошо, пусть пока поборются. (*Подоплекову.*) Вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Подоплеков. Конечно нет.

Председатель. Подсудимый, как Председатель данного Трибунала, я должен вам разъяснить, что чистосердечное признание совершенных вами преступлений и искреннее раскаяние могут облегчить вашу участь.

Подоплеков. Но я не понимаю, в чем я должен признаться!

Председатель. Почему же вы не понимаете? Вы же не можете сказать, что обвинения вымышлены.

Подоплеков. Вот именно вымышлены.

Председатель. Напрасно вы так говорите. С практикой вымышленных обвинений мы давно покончили. Мы предъявляем обвинения только в действительно совершенных преступлениях. Ну посудите сами – разве вы не утверждали, что в нашем обществе можно воровать, грабить, насиловать и убивать? Разве не вы угрожали нам ружьем, которое, как рассчитывал ваш авторитет, должно здесь выстрелить? Разве не вы оскорбляли суд и оказывали упорное сопротивление власти?

Прокурор. В результате которого сержант Горелкин получил тяжелые повреждения, находится в критическом состоянии и врачи борются за его жизнь.

Подоплеков. Вы все врете! Что я мог ему сделать? Он такой здоровый. Ноготь он сам сломал, когда вцепился в меня, синяк у него был до того, а я ему только пуговицу оторвал.

Прокурор. Умышленное повреждение имущества и оскорбление мундира.

Председатель (*Прокурору*). А что, если Горелкина еще не вскрыли, мы можем его допросить?

Прокурор. Я думаю, что можем. Он находится в тяжелом состоянии, и врачи борются за его жизнь, но когда речь идет о долге, Горелкин готов подняться даже из гроба.

Председатель. Для допроса вызывается свидетель Горелкин. Где Горелкин?

Прокурор. Да вон же, видите, врачи борются за его жизнь.

На сцену вкатывается больничная койка с Горелкиным, которого обступили врачи в масках. Один из них занес скальпель над Горелкиным, тот хватается за руку, сопротивляется.

Председатель. Горелкин, пока наши специалисты не подвергли вас патолого-анатомической экспертизе, вы можете ответить на наши вопросы?

Горелкин. Да-да, я могу. Не надо экспертизы, я все и так скажу.

Председатель. Скажите, Горелкин, а руководство вашего отделения, я уверен, учтет ваш подвиг. Вам знаком подсудимый?

Горелкин (*приподнявшись на локте, глядя в Подоплекова*). Так точно, знаком.

Председатель. Что вы можете сказать по данному делу?

Горелкин. Значит, дело было так. Находясь в данном помещении на дежурстве, я был предупрежден, что ввиду важного юридическо-политического мероприятия здесь возможны провокации со стороны экстремистских элементов и других групп враждебного населения. А майор Коротышев прямо сказал, что провокация не только возможна, но даже непременно будет ввиду неизбежного характера данного мероприятия. И одному из вас, говорит, то ли тебе, Горелкин, то ли тебе, Юрченко, будет заехано в физиономию, и этот заезд необходимо будет использовать в борьбе с нашими оппонентами. Я, конечно, надеялся, что заехано будет Юрченке, а не мне, но все же подготовился и, пришедши сюда, стоял вон там, когда мне было сказано, что вот этот человек, который с женой громко разговаривает, его как раз будем брать и, возможно, он, значит, этот заезд совершит. Ну, так оно впоследствии и получилось. Когда мы его пригласили на сцену, он стал произносить всякие слова, кусаться и махать кулаками, в результате чего я имею сломанный ноготь, синяк и, возможно, даже сотрясение мозга.

Защитник. Возможно или точно сотрясение?

Председатель. Я снимаю ваш вопрос. На него не может быть ответа, пока вскрытие не подтвердило диагноз.

Защитник. Тогда другой вопрос. А как вы думаете, Горелкин, действия подсудимого носили заранее обдуманый характер или были совершены в порядке самообороны?

Горелкин. Поскольку я заранее был предупрежден о возможном нападении, то думаю, и нападавший знал о своих планах заранее.

Прокурор. Логично, логично.

Защитник. Скажите, Горелкин, когда вас инструктировали по поводу...

Председатель. Ваш вопрос снимается как не имеющий отношения к делу.

Защитник. Горелкин ответьте на вопрос, были ли...

Председатель. Вопрос снимается.

Защитник. Ваша честь, я еще не задал вопрос, а вы уже...

Председатель. Возражение снимается. Допрос окончен. Свидетель, вы можете идти.

Горелкин. А, спасибо, спасибо! (*Вскакивает с койки и порывается убежать.*)

Председатель. Свидетель, куда вы?

Горелкин. Вы же сказали, что я могу идти.

Председатель. Но я же не в буквальном смысле. Вы свободны, но ходить вам еще, наверное, нельзя. Вы лежите, а наши специалисты сейчас вас бережно отнесут.

Защитник. Ваша честь, мне кажется, свидетель был в не очень тяжелом состоянии, раз он может ходить.

Прокурор. Ваша честь, я протестую. Свидетель ходить не может.

Защитник. Но он же сейчас сделал несколько шагов.

Прокурор. Мало ли кто чего сделал. А может, он был в горячке. Так бывает. Я сам помню, у нас в Афгане голову кому-нибудь, бывало, прострелишь, ну даже совершенно насквозь, так он сначала вроде как упадет, а потом вскакивает и бежит, как курица, знаете, без головы бегаёт. (*Смеется.*)

Председатель. Смешно было?

Прокурор. Очень. Бежит, руками машет, как крыльями, а в голове дырка. (*Смеется.*)

Председатель. Ну ладно, зачем вспоминать такое. Что было, то прошло. У вас есть вопросы к подсудимому?

Прокурор. Есть. Скажите, обвиняемый, каким образом вам удалось проникнуть в это помещение?

Подоплеков. Что это значит – проникнуть? Я не проник, я прошел, как все, через дверь.

Председатель (*мягко*). Подсудимый, не надо говорить за всех. Нас сейчас интересуют не все, а только вы.

Подоплеков. А я говорю, что прошел сюда, как все, – по билету.

Прокурор. А кто вас снабдил билетом?

Подоплеков. Меня никто не снабжал, я купил два билета за свои собственные деньги.

Прокурор. Где купили?

Подоплеков. У нашей сотрудницы Зеленой. Она раньше, когда наша фирма называлась еще НИИ, культургом была и вот до сих пор проявляет инициативу, шарит по Интернету, достает дешевые билеты на что-нибудь и всем предлагает. Она тоже здесь находится. Если вы мне не верите, можете спросить у нее.

Прокурор. Еще спросим. И когда же вы приобрели у нее эти билеты?

Подоплеков. Недели две тому назад.

Прокурор. То есть заблаговременно?

Подоплеков. Я не понимаю, к чему вы клоните.

Председатель. Подсудимый, вам не надо ничего понимать. Вам надо только отвечать на вопросы.

Прокурор. А что же у этой вашей Зеленой были билеты только сюда или еще куда-нибудь?

Подоплеков. Я не знаю. У нее бывают билеты на разные мероприятия. В другие театры, в кино, в зоопарк, в планетарий, иногда – в Лужники или на какие-то выставки.

Прокурор. Но вы из всех возможностей выбрали только эту? Почему? Не потому ли, что именно эта площадка вам показалась наиболее подходящей для вашей акции?

Защитник. Ваша честь, я протестую.

Председатель. Протест отклоняется.

Подоплеков. Я пришел сюда, потому что Зеленая мне сказала, мол, есть такая пьеса, называется «Трибунал», я подумал, может быть, что-то интересное, а если бы знал, что такая дурь и что со мной такое будут вытворять, разве я пошел бы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.